

Утренняя роса ещё не сошла с серых камней площадки для тренировок, а Хань Сюэцин уже сидел на корточках, обхватив деревянный меч, и сосредоточенно следил за крошечной каплей воды на клинке. Он ткнул в неё пальцем, превращая в пухлую жемчужину, которая тут же покатилась по древесным волокнам и сорвалась вниз, разбившись о камень — точно так же, как и его нынешнее настроение: помятое, с оттенком досады, которую некуда выплеснуть.

Формула Чистого Сердца, конечно, полезна, но как же хороша была техника Лунного меча! Когда наставница Лин Хань взмахивала клинком, лунный свет словно обволакивал сталь, а вырывающаяся ци могла заморозить лепестки в полёте. А что у него? Стоило лишь попытаться собрать духовную энергию, как старая рана на запястье начинала ныть, а внутри словно просыпался ледяной погреб — это давал о себе знать синдром ледяных меридианов. Но хуже всего было то, что он не мог выложиться в полную силу. Не мог же он позволить остальным увидеть, что «младшая сестра» владеет мечом куда яростнее, чем любой из парней в секте?

— Младшая сестра Хань! Если ты будешь так пристально смотреть на свой меч, он же застесняется!

Звонкий голос, приправленный ароматом кунжута, заставил Хань Сюэцина вздрогнуть. Он поднял голову и увидел Линь Ваньэр, которая спешила к нему с корзинкой для еды. Из-под крышки пробивался холодный воздух, а на камни упало два золотистых кунжутных зернышка. Линь Ваньэр была известной на всю секту любительницей поесть и всегда приносила что-то свежее из столовой.

— Старшая сестра, ну почему так долго? Я уже почти готова была сгрызть меч вместо завтрака, — Хань Сюэцин поспешно завел деревянный клинок за спину, пряча светлый шрам на запястье. Он получил его, когда тайком тренировался мужским стилем, и теперь боялся, что Линь Ваньэр заметит розовую полоску и начнет расспросы.

Линь Ваньэр поставила корзинку на камень. Стоило ей открыть крышку, как запах кунжута стал еще насыщеннее:

— И не говори! Мастер Чжан сегодня напек вдвое больше, очередь вокруг столовой три раза обогнула. Еле успела урвать две лепешки, они еще горячие, ешь скорее!

Она протянула ему лепешку. Хань Сюэцин только откусил хрустящий край, как за спиной послышались легкие шаги — холодный, как горная слива, аромат возвестил о приближении наставницы Лин Хань.

— Решила проверить, можно ли натереть меч крошками от лепешки?

Голос Лин Хань звучал тихо, но Хань Сюэцин едва не подавился. Он судорожно вытер рот тыльной стороной ладони, пряча недоеденную лепешку за спину, но в спешке задел деревянный меч, и утренняя роса с клинка брызнула ему на руку. От холода его передернуло.

— На-наставница! Я не крошки собираю, я... изучаю узор на дереве! — он вытянулся в струнку,

пытаясь спрятать раненое запястье в широком рукаве, но из-за неловкого движения меч качнулся и едва не упал. Хань Сюэцин дернулся, чтобы подхватить его, и лепешка, которую он прятал, с глухим стуком шлепнулась на камни, извалявшись в траве.

Линь Ваньэр в стороне беззвучно прыснула, но под строгим взглядом наставницы тут же приняла невинный вид, делая вид, что крайне заинтересована другой лепешкой.

Лин Хань не обратила внимания на упавшую еду. Ее взгляд был прикован к пальцам Хань Сюэцина, сжимавшим рукоять:

— Ты держишь меч так, будто это раскаленный печеный картофель. Костяшки побелели — как при таком напряжении ци будет течь плавно? — она сделала шаг вперед и кончиками пальцев коснулась его руки. — Видишь? Энергия застаивается в ладони, словно вода в забитом камнями канале. Разве могут при таком подходе движения быть легкими?

От прикосновения наставницы по коже пробежала дрожь, словно от легкого дуновения ветра. Хань Сюэцин чувствовал, как ее внимательный взгляд изучает даже крошки кунжута в складках его одежды. Он перестал дышать, боясь поперхнуться.

— Сначала проглоти, а потом отвечай, никто у тебя не отнимет, — Лин Хань протянула ему фарфоровую чашку с прохладной водой. — Тренировка с мечом — это как еда: нужно тщательно пережевывать. А ты ведешь себя так, будто пытаешься проглотить клинок целиком. В последние дни ты явно сдерживаешься. Боишься, что меч тебя укусит?

Хань Сюэцин залпом осушил чашку, чувствуя, как вода оmyвает горло. Он взглянул в ясные, холодные глаза наставницы и сердце забилося, как пойманный кролик. Разве мог он признаться: Наставница, я боюсь, что если выложусь в полную силу, то выдам себя, и вы выгоните меня из секты?

— Я... я просто думаю, что техника Лунного меча слишком сильна. Боюсь, что не справлюсь с контролем ци и заморожу сама себя... — он говорил все тише, украдкой поглядывая на Линь Ваньэр, умоляя ее не выдавать его.

Линь Ваньэр тут же подхватила:

— Точно, наставница! У младшей сестры тело предрасположено к холоду, в прошлый раз она так замерзла, что всю ночь дрожала. Это естественно — беречь силы!

Лин Хань приподняла бровь, не став разоблачать явную ложь. Вместо этого она достала из поясной сумки меч. Ножны были серебряными, украшенными узором из переплетающихся лотосов, которые на солнце отливали голубоватым светом, словно были покрыты инеем.

— Это меч Холодная Луна. Он в три раза легче твоего деревянного, а в ножны добавлена теплая нефритовая крошка, чтобы смягчить воздействие холода, — она протянула оружие. — Тренируйся с ним. Даже если будешь сдерживаться, движения станут плавными. А если и так

не справишься...

— Я обязательно справлюсь! — Хань Сюэцин поспешно взял меч. Он был прохладным, но не обжигающим, а от нефрита исходило едва уловимое тепло. Узоры на ножнах казались гладкими, как ледяная карамель. В душе шевельнулось чувство признательности, смешанное с виной — наставница так старается, а он скрывает от нее правду, словно вор.

Линь Ваньэр ткнула пальцем в ножны:

— Ого, какой красивый! Младшая сестра, старайся изо всех сил, не подведи наставницу!

Хань Сюэцин кивнул и встал в стойку. Холодная Луна действительно была послушной: ци текла по клинку, как ручей по гальке. Но когда дело дошло до приема Холодный разрез, он снова подсознательно притормозил. Этот удар требовал резкого движения запястья, и если вложить в него всю силу, старая рана обязательно даст о себе знать.

В итоге вместо грозного разреза у него получилось что-то вроде нежного поглаживания — меч медленно опустился, едва потревожив бамбуковые листья. Даже воробьи на ветках не улетели, продолжая щебетать, словно насмехаясь над ним.

— Стоп!

Голос Лин Хань звучал разочарованно. Хань Сюэцин тут же опустил меч и уставился на носки своих туфель, вышитых Линь Ваньэр маленькими цветами сливы. Сейчас эти цветы казались ему невыносимо раздражающими.

— Холодный разрез требует скорости, точности и жесткости. А у тебя — медлительность, вялость и мягкость, — Лин Хань подошла ближе и обхватила его запястье. — Видишь, как только ты сдерживаешься, весь рисунок боя рассыпается. Давай, повторяй за мной.

Ее ладонь была теплой, и этот мягкий поток духовной силы, перетекший в его руку, мгновенно снял напряжение. Уши Хань Сюэцина вспыхнули, словно вишни на солнце. Он так растерялся, что едва не выронил меч.

— Не суетись, следуй за моим движением, — Лин Хань не заметила его смущения и снова подняла его руку с мечом. Кончик клинка устремился в небо, ци наполнила сталь, узоры лотосов вспыхнули ярким светом, и меч стремительно обрушился вниз!

— Ш-ш-а!

Раздался свист, и толстый бамбуковый ствол с сухим треском переломился пополам. На месте среза тут же выступил тонкий слой инея, а летящие щепки застыли в воздухе, прежде чем осыпаться на землю.

— Видишь? Вот что такое Холодный разрез, — Лин Хань отпустила его и сделала шаг назад. — Попробуй сам.

Хань Сюэцин стоял, чувствуя, как на коже еще горит след от ее ладони. Он глубоко вдохнул, сжал рукоять, пытаясь побороть страх, но в решающий миг снова замедлил движение. Он боялся боли в старой ране, боялся, что его выдаст мужская техника.

Удар получился еще слабее прежнего — на бамбуке осталась лишь едва заметная царапина.

Линь Ваньэр, наблюдавшая со стороны, забеспокоилась:

— Младшая сестра, ну приложи же ты силу! Чего ты с этим бамбуком церемонишься?

Хань Сюэцин молчал, понутив голову, ожидая наказания.

— Похоже, тебе нужно кое-что для прояснения ума, — Лин Хань вздохнула и достала из рукава бамбуковый свиток. — Формула Чистого Сердца. Сто раз переписать. К утру принесешь мне. Пиши аккуратно, без ошибок и не вздумай использовать ци, чтобы облегчить задачу.

Хань Сюэцин взял свиток, и рука невольно дрогнула — он был тяжелым. Сплошные мелкие иероглифы, похожие на муравьев. Сто раз? Наставница, вы хотите, чтобы я стер пальцы в кровь?

Но спорить он не посмел:

— Слушаюсь, наставница. К утру все будет готово.

Когда они ушли, Хань Сюэцин опустился на землю, чувствуя себя побитым ростком капусты. Он пнул бамбуковую щепку:

— Все из-за тебя! Зачем ты вырос таким твердым? Из-за тебя мне теперь всю ночь писать...

Вернувшись в комнату, он застал Су Лин за сушкой трав. Увидев его с несчастным видом, она рассмеялась:

— Что случилось? Ты выглядишь так, будто потерял душу. Что за сокровище ты прижимаешь к груди?

— Это не сокровище, а наказание, — он с грохотом бросил свиток на стол. — Наставница заставила переписать Формулу Чистого Сердца сто раз, потому что я на тренировке сдерживаюсь.

— Сто раз?! — Линь Ваньэр, заправлявшая постель, вытаращила глаза. — Да ты до рассвета не успеешь!

Су Лин взяла свиток, пролиستала его и нахмурилась:

— Почему ты всегда сдерживаешься? Технику Лунного меча невозможно освоить без полной отдачи. Опять синдром ледяных меридианов мучает?

Хань Сюэцин почувствовал, как внутри все сжалось. Он схватил кисть, делая вид, что проверяет кончик:

— Я... я просто чувствую, что еще не овладел приемом, боюсь навредить себе. Кстати, сестры, у вас не найдется лишних свитков? Этот я точно испишу.

Девушки переглянулись, но расспрашивать не стали — Хань Сюэцин в последнее время был сам не свой, и они решили не лезть в душу. Су Лин достала из сумки маленькую фарфоровую баночку:

— Это мазь для согрева меридианов, мама делала. Смазывай запястье, если устанет.

Хань Сюэцин принял баночку, чувствуя, как к горлу подступает комок. Они были так добры к нему, а он — лжец, скрывающий свое истинное лицо.

Вечером, когда в комнате зажглись светильники, он принялся за работу. Кисть была новой, жесткой, рука быстро устала, и иероглифы поползли вкривь и вкось. Он старался писать аккуратнее, но глаза слипались. В какой-то момент кисть выскользнула из пальцев, оставив на свитке жирную кляксу.

— Все пропало, — прошептал он, уткнувшись лицом в ладони. — Зачем я только притворился девушкой? Теперь ни нормально тренироваться, ни спокойно жить...

— Кто же заставляет тебя так мучить себя?

Линь Ваньэр вошла с дымящейся миской лапши. Аромат был таким аппетитным, что у Хань Сюэцина в животе предательски заурчало.

— Ешь, пока горячее, — она потрепала его по волосам. — Переписывание подождет, силы тебе нужнее.

Хань Сюэцин поднял голову, его глаза покраснели. Он взял палочки и принялся за еду. Теплая, вкусная лапша, забота сестер — все это заставляло его чувствовать себя одновременно и счастливым, и виноватым. Он дал себе слово: как только излечится, обязательно во всем признается.

После ужина он снова принялся за свиток. Ночь тянулась долго, и лишь к рассвету он закончил последнюю, сотую копию. Он потянулся, чувствуя, как ноют мышцы, и с гордостью посмотрел на стопку свитков.

Он не заметил, как за окном, в лунном свете, стояла Лин Ваньэр. Наставница хмурилась. Днем она заметила, что движения Хань Сюэцина, несмотря на всю старательную женственность, выдавали мужскую манеру владения мечом. Да и старый шрам на запястье...

— Что же ты скрываешь, девочка? — прошептала она, решив, что завтра же изучит его личное дело.

А Хань Сюэцин, не подозревая об опасности, лег спать. Ему снилось, что он тренируется в полную силу, замораживая всю площадку, и наставница с улыбкой хвалит его. Он не знал, что этот сон был лишь предвестником грядущей бури. Его путь притворства только начинал становиться по-настоящему опасным.

<http://bllate.org/book/18929/1852217>